

УДК 82-14

**«ПЕТРОВУ ВНУКУ ПОЮ, КАК ПЕЛ ПЕТРОВУ ДЩЕРЬ»:
ОБРАЗ ИДЕАЛЬНОГО МОНАРХА В ОДЕ М.В. ЛОМОНОСОВА
«ИМПЕРАТРИЦЕ ЕКАТЕРИНЕ АЛЕКСЕЕВНЕ»**

Петр Андреевич Гончаров

доктор филологических наук, профессор

goncharovpa2015@yandex.ru

Екатерина Сергеевна Иванова

студент

katya.ivnv16@gmail.com

Мичуринский государственный аграрный университет

Мичуринск, Россия

Аннотация. Объектом исследования в данной статье являются элементы образа идеального монарха в классицистическом произведении русской литературы XVIII века, которые нашли своё отражение в оде М.В. Ломоносова «Императрице Екатерине Алексеевне».

Ключевые слова: Ломоносов, императрица Екатерина Алексеевна, классицизм, идеальный монарх.

1764 год отмечен в творчестве М. Ломоносова как год создания «Оды императрице Екатерине Алексеевне». Как представляется, вряд ли в память об успехе оды 1747 года в честь Елизаветы Петровны, «Петровой дочери», поэт, пытается повторить его в стихотворении, адресованном «Петровой внуке», волей случая и верных гвардейцев обретшей верховную власть в России.

*Среди торжественного звуку
О ревности моей уверь,
Что ныне, чтя, Петрову внуку
Пою, как пел Петрову дочь.*

[3, 193].

Да и «повторить» успех было бы делом почти безнадежным по ряду причин. Первая среди них – причина биографическая: Ломоносов по тем временам уже не молод (ему уже за 52 года – «моего преклонность века») и болен – («гонящий в гроб недуг»). Второй причиной видимой неудачи оды оказалось противоречие между стремлением следовать сложившемуся жанровому канону оды и желанием поэта оставаться в рамках достоверности в изображении «нрава», дел и событий, связанных с воцарением Екатерины Алексеевны. Воспроизведенные в стихотворении особые обстоятельства прихода Екатерины к власти – через переворот и физическое устранение Петра Федоровича, а мимо этого обстоятельства ломоносовская муза не могла пройти безучастно, – стали одной из веских причин невозможности для М. Ломоносова получить славу первого одописца в царствование Екатерины II.

Эта ломоносовская ода, безусловно, является произведением классицистическим. Как известно, в период с 1739 по 1764 год Ломоносовым было создано двадцать од, в которых поэт писал о «могуществе России, расцвете наук и художеств, о просвещённом властителе, мудро управляющем страной» [2, 9].

Задействованные М.В. Ломоносовым в соответствии с жанровым канонем классицистической оды античные образы придают стихотворению, его главной персоне монументальность и торжественность. Эти образы служат характеристикой и самой императрицы, и её деятельности. Так, упоминая античный миф о походе аргонавтов в Колхиду за «золотым руном», Ломоносов имеет в виду выгоды для российской торговли в результате открытия новых морских путей («Руно златое» [3, 198]).

Однако, если рассуждать о возможном восприятии оды её адресатом, то Екатерине вряд ли могла понравиться явная «вторичность» обращения к ней – «Петровой внуке» лишь наравне и даже вслед за «Петровой дочерью».

*О скиптр, венец, о трон, чертог,
Сужденны вновь Екатерине,
Красуйтесь о второй богине!
Той Петр вручил, сей вверил бог!
Сам бог ведет, и кто противу?
Кто ход его остановит?
Как Океанских вод разливу
Навстречу кто поставит щит?*

[3, 197].

В соответствии с жанровым канонем главным персонажем оды может быть безупречный герой или явление (монарх, полководец, событие государственной важности, общественная добродетель, религиозная мораль)» [1, 469]. В последней торжественной поздравительной оде М. Ломоносова Екатерина Алексеевна олицетворяет собой идеального монарха. Несмотря на то, что Екатерина не является прямым потомком, «внукой», Петра I, поэт стремится подтвердить её права на российский престол; для него и подданных она – «Петрова внука», хотя в действительности она была лишь женой внука Петра Великого. Основные заслуги императрицы видятся поэту в том, что, во-

первых, она не была в плену только личных целей при низложении Петра Федоровича, не менее важным для нее было благо подданных:

*На трон взошла Екатерина
Не токмо, чтоб себя спасти
От бед, что ближила судьбина,
Но чтоб россиян вознести*
[3, 196].

Во-вторых, Екатерина – мудрая правительница. Ломоносов, сравнивая её с царём Соломоном, прибегает к гиперболе, выражает уверенность, что императрица во многом превзойдёт Соломонову мудрость:

*Премудрый глас сей Соломонов,
Монархиня, сей глас есть твой,
Пребудет твердь твоих законов,
Ограда истины святой.
Он предварил тебя веками,
Превзойдешь ты его делами,*
[3, 197].

Для панегирических жанров характерны похвалы, изысканная комплиментарность. Образ императрицы Екатерины в целом далек от конкретики, и это не случайно. Ломоносов пока лишь угадывает и предполагает в ней свойства и дела идеального монарха. Дела реальной Екатерины Великой ждут её и её подданных впереди. Ломоносов восхваляет её устремленный к идеалу классицистов облик: «Усыновленна добродетель, Российский украшает свет». Придает «Монархине великодушной» черты «истинной чадам матери. Она для поэта является «Правдой на престоле» [3, 193 - 196] и т.п. Палитра изобразительно-выразительных средств, используемых в оде (мифологизмы – *борей и зефиры*; риторические обращения – *богиня*; яркие эпитеты – *геройские подвиги, светлый глас*; выразительные сравнения – *крепит, как кровная*

природа; церковнославянизмы – *страна, класы, брань*), – всё это и многое другое подчинено цели создания образа идеального просвещенного монарха.

Воспевание высоких качеств героя – главная задача одического жанра. Но, стремясь к изысканной панегирической комплиментарности, прочерчивая линию от Петра к Екатерине. Ломоносов вновь использует детали, которые могут быть (и, вероятно, были) истолкованы как нарушение придворного этикета, невольная оплошность. Он указывает лишь «второе» место новой Самодержице Российской (*Красуйтесь о второй богине!*), традиционно подчеркивая богоизбранность императрицы, но невольно намекая на «забвение» правил престолонаследия Екатериной II, ставя два события (воцарение Екатерины I и Екатерины II) рядом: *Той Петр вручил, сей вверил Бог*. Восходящее к поэтике «Оды 1747 года» гиперболизированное сравнение происшедшей передачи власти с ходом «океанских вод» не меняет ситуацию, а лишь придает ей характер неотвратимости. Но мысль о неотвратимости «океанских вод разлива» вовсе не равна торжеству добродетели, закона. Заслуги Елизаветы в упомянутой «Оде 1747 года» измеряются у Ломоносова свершением замыслов Петра. Заслуги перед отечеством новой императрицы видятся поэту в иных «достопамятных происшествиях»:

*Таков Екатеринин нрав,
Народну грубость умягчает
И всех к блаженству приближает
Теченьем обновленных прав.*

Ломоносовская ода дает основания полагать, что установка на общественное «блаженство» Екатерины II стала известна ранее, чем увидел свет её «Наказ» (1766) о созыве «Комиссии» по составлению нового уложения законов – отсюда и отсылка к «обновленным правам». Здесь же есть основания предположить, что нацеленность императрицы на умягчение народной «грубости» через искоренение «дурного воспитания» стала известна при дворе

ранее сформулированных соответствующих наставлений в журнале «Всякая всячина» (1769 – 1770).

В ближайшие и отдаленные планы Екатерины II, как известно, не входила передача власти Павлу Петровичу – законному наследнику престола. Не вдаваясь в причины этого нежелания, заметим, что с одинаковой долей уверенности можно предположить, знал об этом Ломоносов или не знал. Незнание Ломоносова может быть подтверждено отлучением поэта от источников придворных вестей и слухов, тем фактом, что сразу после переворота покровители Ломоносова оказались «в немилости и удалились за границу; немилость была проявлена и по отношению к нему, так как он не получил ни наград, ни повышения в чине» был отставлен от службы в Академии [4]. Можно предположить и иное: в год написания данной оды Павлу Петровичу всего девять лет, до совершеннолетия еще далеко, поэтому размышления о наследовании им престола не были безотлагательными.

Дальновидная императрица, вероятно, заботилась о поддержке не только гвардейских офицеров. Уподобление Соломону в контексте дальнейших событий и действий Екатерины II теряет свою риторическую гиперболичность. Поэтому в отношении Ломоносова последовало «восстановления в своих правах». Более того, «Ломоносов пожалован был, 23 декабря 1763 года, статским советником с жалованьем в 1875 рублей» [4].

Жанр поздравительной торжественной оды давал, однако, широкие возможности не только для комплиментов и похвал, но и для назидания. Достоверные черты героя вполне могли дополняться в торжественной классицистической оде скрытым или открытым назиданием, модальностью «желательности» изображаемых героических усилий и деяний.

*В сии часы благословенны,
Когда всевышний оградил
Помазаньем твой верьх священный
И славою венца покрыл,*

*Когда по ожиданьи многом
Снабдил дражайшим нас залогом,
Младого Павла даровав;
Какого мы добра представить
Не можем и творца прославить,
Толикие дары прияв*

[3, 196].

Происшедшее 9 июля 1762 года изображается Ломоносовым как мера вынужденная, в одном ряду с «океанских вод разливом». А.В. Западов в свое время утверждал, вероятно, имея убедительные основания, что поэзия Ломоносова «совершенно лишена личного элемента», обосновывая это суждение отсылкой к классицистическим тенденциям творчества поэта: «Происходит это потому, что задачей поэзии классицизма было выражение общих истин, начертанных от века, и для нее конкретная деталь, жизненный факт не значили ничего» [2, 45]. Нет оснований спорить с общим утверждением о принципах классицизма, об их отношении с «жизненными фактами». Но М. Ломоносов 1762 – 1764 гг. оказывается совершенно равнодушным к событиям при дворе, к тем самым изображенным с помощью прозрачных аллюзий «жизненным фактам».

*Предвидя общие напасти,
Чем угрожали вредны страсти,
Готова с нами пострадать,
Чрез отменитое геройство
Себе и нам дала спокойство,
Как истинная чадам мать.
Блаженны мы, что ей послушны:
Покорность наша к счастью путь!*

[3, 196].

В соответствии со скрытым в этих стихах назиданием, Павел (вместе со своей наивгустейшей матерью) представлен как дар провидения для исправления «напастей» и «страстей» свергнутого Петра Федоровича (изменение государственной религии и внешнеполитических приоритетов), побудивших Екатерину к перевороту, а активную часть придворных – к его поддержке. Исправлением «вредных страстей» поэту видится фигура Павла как престолонаследника. И даже покорение морей видится поэту *счастьем Павловым*, завещанным ему *великим Петром*.

*О плод божественныя крови,
Расти, крепись в ее любви,
Вослед трудов ее взирай,
Как с радостью носить державу,
Хранить свою с моею славу
Ее примерам подражай.*

[3, 197].

Обращение к Павлу «*умиленного ока*» России, как к «*плоду божественныя крови*» не могло не покорибуть Екатерину, которая, в отличие от её сына, похвастать «*божественной кровью*» прямого потомка Петра Великого как раз не могла. Павел в качестве престолонаследника и обладателя *божественныя крови* трижды упоминается в цитируемой оде. А современникам Ломоносова и Екатерины II памятен был выход в свет известной ломоносовской «*Российской грамматики*» «с посвящением великому князю Павлу Петровичу в 1757 году» [4].

Естественно, что ломоносовская поздравительная ода близка жанру парадного портрета в русском классицистическом изобразительном искусстве через реализацию принципа идеализации, через выдвигание на первый план позитивных свойств изображаемых персон (Д. Левицкий, В. Боровиковский и др.). Но русская натура Ломоносова реализовалась в оде и иначе, через близость к традициям русской иконописи, где в основе сюжета может

находиться лик главной героини, но композиция включает в себя логически и сюжетно связанные с главной персоной «клейма» с изображением (точнее – упоминанием) Павла. Причем в основе «сюжета» и родственные связи, и мысль о перспективах престолонаследия.

Все это вкупе обрекало оду Ломоносова на недоуменное восприятие придворных читателей да и самой императрицы. Её образ меркнет и как «вторичный» после Екатерины I и Елизаветы Петровны, и как образ самодержицы, лишь вынужденно спасающей себя и россиян от злых «страстей» и «напастей», и как фигура посредническая в передаче власти в руки законного наследника. Необходимый для композиции и системы идей классицистической оды образ идеального «просвещенного монарха» в оде излишне детализируется, снижается биографическими и придворными подробностями, что в значительной степени противоречило жанровому канону оды, хотя и усиливало в ней черты достоверности. Вместе с тем, эта приверженность достоверности (как стремление к поиску истины) делала ломоносовскую оду оригинальной. Вероятно, и это имеет в виду И.Н. Сухих, когда обобщает специфику панегирических стихотворений «русского Пиндара»: «Оды Ломоносова (в отличие от его современников А. П. Сумарокова и В. К. Тредиаковского) отличаются индивидуальными признаками. Они более свободны от обязательных требований как в композиции, так и в создании отдельных образов» [5].

Таким образом, ломоносовская «Ода императрице Екатерине Алексеевне» остается в пределах жанрового канона торжественной оды благодаря фигуре идеального монарха в центре композиции произведения, благодаря совокупности задействованных в стихотворении выразительных и изобразительных средств. Однако свойственное М. Ломоносову стремление к достоверности деталей, проявившееся в этой оде, придает панегирическому произведению черты авторской оригинальности. А вступающая в противоречие с планами императрицы фигура Павла Петровича как законного престолонаследника придавала оде и далекую от куртуазности рискованность.

Список литературы:

1. Большая литературная энциклопедия / В.Е. Красовский. М.: Филол. «Слово»: ОЛМА-Пресс. 2003. 845 с.
2. Западов А. В. В глубине строки: О мастерстве читателя. М., 1975. С. 9–44.
3. Ломоносов М.В. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 192–201.
4. Меншуткин Б.Н. Ломоносов Михаил Васильевич: Биографический словарь – [Электронный ресурс]. – URL: <http://lomonosov.niv.ru/lomonosov/bio/menshutkin-lomonosov-2.htm> (дата обращения: 02.08.2022).
5. Поэты XVIII века / сост. Г. П. Макогоненко. Л.: Советский писатель, 1972. 451 с.
6. Сухих И.Н. Русская литература для всех: От «Слова о полку Игореве» до Лермонтова. Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=218795> (дата обращения: 02.08.2022).

UDC 82-14

**"I SING TO PETER'S GRANDSON AS I SANG TO PETER'S
DAUGHTER": THE IMAGE OF THE IDEAL MONARCH IN M.V.
LOMONOSOV'S ODE "TO THE EMPRESS EKATERINA ALEKSEEVNA"**

Pyotr A. Goncharov

Doctor of Philology, Professor
goncharovpa2015@yandex.ru

Ekaterina S. Ivanova

student

katya.ivnv16@gmail.com

Michurinsk State Agrarian University

Michurinsk, Russia

Annotation. The object of the research in this article is the elements of the image of the ideal monarch in the classic work of Russian literature of the XVIII century, which are reflected in the ode of M.V. Lomonosov "Empress Ekaterina Alekseevna".

Keywords: Lomonosov, Empress Ekaterina Alekseevna, classicism, ideal monarch.

Статья поступила в редакцию 01.11.2022; одобрена после рецензирования 15.12.2022; принята к публикации 20.12.2022.

The article was submitted 01.11.2022; approved after reviewing 15.12.2022; accepted for publication 20.12.2022.